

УТРАЧЕННАЯ ДИНАСТИЯ

С.А. КУСПЫБЬ

ДИКИЕ ПЛЯСКИ СТРАСТЕЙ

Киев
2020

УДК 821.161.1(477)'06-311.6
К94

Серия «Утраченная династия»

Куспысь С. А.

К94 Дикие пляски страстей : роман. — Киев : Издательство Лира-К, 2020. — 340 с.

ISBN 978-617-7844-58-6

В четвертой книге «Утраченная династия» Анна после перенесённой трагедии, находится в глубокой депрессии, и любовь близких людей не может вывести ее из этого состояния. Горе повергло обитателей замка в полное уныние, а состояние Анны только усугубляло ощущение беспросветности и безысходности ситуации. В эти дни Анна походила на призрака, и никто не мог дать гарантии, что она сможет жить дальше.

Что будет с Анной дальше, мы узнаем из этой книги.

А тем временем, в Польше между царевичем Дмитрием и княжной Мариной Мнишек возникают глубокие чувства. Царевичу Дмитрию удалось доказать свое царственное происхождение, но дальше ему предстоял тяжелый путь борьбы, чтобы отстоять свое право на трон.

Книга читается на одном дыхании, и не отпускает интерес читателя до конца.

УДК 821.161.1(477)'06-311.6

ISBN 978-617-7844-58-6

© Куспысь С. А., 2020

© Издательство Лира-К, 2020

Глава 1.

Самбор поражал взор каждого туда попавшего путника, своей невидалой роскошью, красивыми особняками, и нарядными витринами магазинов. Шляхтичи любили свой город, и содержали его в безукоризненной чистоте, а слух тешили колокола соборов, которых в городе было множество. Поляки были ярыми приверженцами своей веры, и в воскресные дни город пустовал, так как все находилось на службе Божьей, и можно было услышать даже полет насекомых в воздухе, такая вокруг стояла торжественная тишина, и только иногда ее нарушали отголоски церковного хора.

Дмитрий, будучи православным, не посещал соборы, и молился перед иконами в своей спальне, оббитой пурпурными обоями с золотыми прожилками. На его столе всегда находились живые цветы, сорванной самой Мариной Мнишек, и искусно подобранные в букет. Не приближая к себе Дмитрия, она завоевывала его сердце всеми возможными хитростями, и цветы были предназначены для того, чтобы он не забывал о ней ни днем, ни ночью.

И, действительно, нежный аромат лепестков разносился по спальне Дмитрия, и лежа в кровати, он закрывал в вожделинии глаза, чувствуя неуловимые прикосновения гордой полячки, овладевшей его сердцем до самых краев, и не оставившей место никому другому. Его тело горело от роковой страсти, и он понимал, что больше не сможет ни жить, ни дышать без нее.

Но встречаясь во дворе поместья, они проходили мимо друг друга, как чужие люди, которых между собой ничего не связы-

вает, отдав только дань учтивости, кивнув друг другу головами. Иногда они могли обмолвиться невзначай словом, обсудив погоду перед скачками, или обсуждая выводок борзых.

Но это было очень редко. В основном, Марина Мнишек вела светский образ жизни, и проводила много времени в королевском дворе, где давались балы в честь вновь прибывших иноземных послов. Страстью Марины были танцы, и она могла отдаться этому занятию до самого утра, и даже не почувствовав усталости, столько удовольствия ей они доставляли. Мало кто с панночек мог сравниться с ней в умении владеть своим телом, в совершенстве и грации движений. И поэтому с каждым разом она оттачивала свое мастерство, сводя с ума кавалеров любых рангов. Поговаривали даже, что сам король предлагал Марине стать его любовницей. Когда ее спросила об этом сестра Урсула, до которой дошли эти слухи, и она сразу их с негодованием отвергла, но вместе с тем старшей сестре задала прямой вопрос по поводу этого, та, без всяких проволочек ответила, что мечтает о королевском троне, а не его ложе. И на этом разговоре была поставлена точка. Марина хорошо знала себе цену, и не собиралась размениваться по мелочам. Урсула заметно успокоилась, и больше не лезла к сестре с расспросами.

Но теперь Марина мечтала о том, чтобы Дмитрий увидел, как она умела танцевать, и тогда шансов отбить царевича у нее, оставалось, ни у одной красавицы, ни в польском, ни в русском королевстве. Дмитрий уже и так млел, как только она появлялась в его поле зрения, а станцуй он с ней, то больше ни с кем ее сравнить не сможет. Но это время еще не пришло. Ее отец ждал ответа от Марии Нагой, а также он пытался узнать судьбу князя Мстиславского и Афанасия Нагого. Один из его доверенных людей, находящийся вблизи двора царя Бориса уже сообщил ему о том, что их не нашли, и царский сыск предполагает, что они сгорели в замке, так как там нашли множество обгоревших тел, и опознать их было невозможно.

Варлаам, если Дмитрий позволял ему это, не отходил от царевича не на шаг. Иногда Дмитрию начинала надоедать эта чрезмерная опека, и он просил монаха, чтобы тот скрылся хотя бы на время с его глаз. А тот, вместо того, чтобы отдохнуть, слонялся по двору, не зная куда приткнуться. Он явно скучал без Дмитрия,

и тот уже не знал, как занять своего друга, чтобы он мог хотя бы немного развлечься.

И поэтому иногда он придумывал им развлечения, чтобы Варлаам не чувствовал себя одиноким. Да, и самому Дмитрию было интересно стрелять из пищали, лука или арбалета. Он научился этому еще в замке крестного, и владел этим мастерством безукоризненно. Он мог подбить птицу в голову, мчась на скакуне, попасть в слово на листе бумаги, и шляхтичи открыто завидовали ловкости царевича. Ни у кого не возникало уже сомнений в его царственном происхождении, но Дмитрий никогда не зазнавался, и вел себя естественно, с глубоким чувством собственного достоинства, которое было у него в крови, и перед ним не стояло больше цели доказывать кому-либо, что он наследник трона империи сия Руси. Скоро придет весточка от его матери, и князь Мнишек сможет представить его королю Сигизмунду.

А дальше нужно будет действовать по разработанному плану. Как только польский король выделит ему войско для того, чтобы идти на Москву, он без сомнений сделает это. Он чувствовал внутри себя невидальную силу, а присутствие Марины рядом увеличивало желание стать царем еще больше. Дмитрий был уверен — эту девушку можно взять только в царицы, чтобы овладеть ее прекрасным телом. И ради только этого он готов был перевернуть горы. Не говоря уже о зове крови, заставляющей его стремиться к власти каждой клеточкой тела. Дмитрий уже чувствовал себя царем, и не сомневался в том, что так оно и будет. Он представлял себя во дворце, окруженным верными союзниками. И он знал этих людей. Его дяди в самом ближайшем времени будут освобождены из казематов, и займут важные должности. Он мог доверять им полностью. И число верных людей, Дмитрий был в этом уверен, будет пополняться с каждым днем. И он никогда не забудет тех, кто разделит с ним риск борьбы, и пойдет на царя Бориса.

В это воскресное утро Дмитрий, как всегда, находился у себя в спальне, и глубоко погруженный в свои думы, после молитвы, вздрогнул от неожиданности, когда кто-то постучал в дверь.

— Зайдите... — крикнул он.

В проеме дверей показалась взлохмаченная голова монаха.

— Кто бы сомневался, — протянул Дмитрий. — Да, входи уже, горе луковое.

— Так я хотел поинтересоваться, — показался несмело монах целиком, — не нужно ли чего. Что-то ты долго не появлялся.

— Так рано еще, Варлаам, — с легкой иронией произнес Дмитрий, но глянув на поникшего монаха, засмеялся, — ладно, не грусти. Придумаем сегодня чего-нибудь.

— Может, постреляем? — Оживился заметно монах.

— Так ты не знаешь, каким концом лук держать, — добродушно заметил Дмитрий.

— Зато я могу монетку, как всегда, подержать, — предложил услужливо монах.

— А если в руку попаду из арбалета?

— Так я же тебя знаю, Дмитрий. Ты не промахнешься.

— Только за твою веру у меня рука не дрогнет, — Дмитрий с признательностью посмотрел на преданного друга. — Чего там, в поместье князя сегодня делается?

— Только из костела панство вернулось, — шепотом произнес монах, наклонившись ближе к Дмитрию, — и княжна Марина сегодня такая разряженная вся из себя, и на твои окна так глазами и зыркает, так и зыркает, — повторил он, зацокав многозначительно языком.

Сердце Дмитрия учащенно забилось.

— Зыркает, говоришь? — Повторил задумчиво он.

— Угу, — подтвердил монах, качав головой. — Не равнодушна она к тебе, Дмитрий.

— Так у нее поклонников полно, Варлаам, — в интонации Дмитрия прозвучала досада, — я ведь пока для нее никто, чтобы она могла с ума сходить от меня.

— Ой, Дмитрий, не знаю я таких тонкостей, но девка сохнет за тобой, это верняк.

— Такая засохнет... — протянул Дмитрий, сощутив глаз. — Но мы все-таки попытаемся разбудить ее душу. — Давай тащи завтрак, и пока наша панночка не укатила куда развлекаться, мы с тобой во дворе состязания устроим.

— Вот это уже дело! — Обрадовался монах, потеряв оживленно руки. — Я скоро вернусь.

Позавтракав, и облившись холодной водой прямо во дворе, Дмитрий облачился в удобную одежду, подчеркивающую его

крепкую стать, и, взяв арбалет в руки, стал посредине двора, чтобы ненароком никого не задеть.

Вокруг него сразу образовался круг из числа слуг князя, радостно предвкушающих острые ощущения. Это было зрелище не для слабонервных, когда Варлаам стоял гордо с монеткой в руках, а Дмитрий целился прямо в него. И хотя она была отведена в сторону от тела, Дмитрий мог промахнуться, и тогда монах мог серьезно пострадать.

И, конечно, это щекотало нервы присутствующих зевак не на шутку. И так как других развлечений в поместье князя не было, слуги жили в предвкушении того, когда Дмитрий соизволит показать свое мастерство. Некоторые из них умудрились ставить монетки на выигрыш — проигрыш, и со временем к этой игре подключилось даже панство, и там уже деньжата шли немалые. Шляхтичи заключали, как научились совсем недавно выговаривать на французский манер, пари, и с них шел пар коромыслом, когда Дмитрий поднимал арбалет или лук в сторону своего слуги. На место монаха уже просились другие слуги, но здесь Дмитрий был неумолим, и устраивал свои состязания только с Варлаамом, не желая обидеть друга, млевшего от того, что оказывался в центре внимания стольких людей. К тому же, и монет ему перепало немало, когда кто-то из шляхтичей выигрывал, и поэтому он с удовольствием служил живой мишенью Дмитрию.

Но сейчас в поместье шляхтичей не было. Они недавно вернулись после службы Божьей и садились завтракать, и во дворе нетерпеливо топтались только слуги. Но Дмитрий знал, что делал. Прямо на то место, где он находился, выходили окна княжны Марины, и он не сомневался — она не устоит против того, чтобы посмотреть это небывалое зрелище. Уж слишком была любопытна панночка, и к тому же наделена богатым воображением. И она любила пощекотать свои нервы, и небывалое самолюбие. Она то, знала наверняка, как Дмитрий к ней относится, и что ради нее он готов был перевернуть горы. Но он больше не будет ей об этом говорить. Для этого было две причины. Первая — он хотел, чтобы она помучалась в неведении. А вторая — княжна все — равно его к себе не подпустит, пока он не станет царем.

И поэтому теперь он хотел помучить ее своим равнодушием. Возле нее всегда крутились знатные шляхтичи, и он видел, как

ей приелись их пресные ухаживания. А Дмитрий был не таким. В нем бился сильный и безудержный темперамент. И Марина смогла разбудить в нем такую бурю чувств, что он готов был задушить ее в своих объятиях. И она чувствовала в нем эту мужскую силу. Он замечал, как она менялась в лице, когда ее взгляд мельком скользил по его мускулистым рукам, обещающим крепкие объятия и смелые ласки, на которые не были способны выхоленные шляхтичи. А панночка была страстной натурой, и это читалось в каждом ее жесте, и завораживающем взгляде, глазах с темной поволокой, обещающих такие ласки, от предвкушения которых кружилась голова. Иногда Дмитрий чувствовал, что готов просто умереть, если не завладеет этой гордой княжной, но он умел обуздывать свои чувства, и прятать их за маской холодного равнодушия. И сегодня он заставит волноваться княжну Мнишек, и пускай побьется ее сердечко, когда ее будет вести шляхтич в танце на очередном балу этим вечером, так как думать она будет только о Дмитриии. Он удовлетворенно хмыкнул. Все пока складывалось как надо, и главное, не упустить момент, когда она находилась в своей спальне.

Варлаам занял исходное положение, с гордостью вытянув руку с монеткой в руках. Дмитрий выстрелил, и та, жалобно звякнув, упала на землю. Вокруг раздался торжественный гул. Дмитрий якобы наклонился вниз, чтобы поправить сапог, туго стягивающий ногу, и выгодно подчеркивающий его стройные икры, и бросил мимолетный взгляд в сторону окна княжны. От его внимания не ускользнуло, как дрогнула занавеска в углу. Марина уже была там, и теперь сцена должна была разыгрываться только для нее.

— Варлаам, — Дмитрий небрежно поднял арбалет, — теперь держи монетку над головой.

Варлаам на миг испугался, но вида не подал. Он не хотел терять лица перед благодарной публикой, подбадривающей его аплодисментами.

— Ну, хорошо, — как ни в чем не бывало, согласился он, — только не попади мне, Дмитрий, в голову.

— Если сомневаешься, уступи место другому смельчаку, — засмеялся Дмитрий.

— Еще скажи, что я струсил, — не на шутку рассердился Варлаам, и поднял монету над головой, услужливо протянутой ему кем-то из любителей острых ощущений.

Дмитрий протянул арбалет вперед, и выстрелил. Варлаам слегка побледнел, и зашатался. Все вокруг ахнули от испуга, но тот сразу, же выпрямился, и с гордостью посмотрел на окружающих. Раздались радостные вопли, и несколько человек даже попытались поднять тяжеловесного монаха на руки, но его удалось только слегка оторвать от земли. Разгоряченным мужчинам оставалось в порыве чувств потрепать его по волосам.

К Дмитрию слуги относились с особым почтением, так как ни для кого уже не составляло секрета его знатное происхождение, и поэтому ему достались только восторженные крики. Но он был вполне удовлетворен. Мимо Марины Мнишек не прошло это азартное зрелище, и своей конечной цели он добился.

— А еще будем? — Опьяненный от славы, спросил монах.

— Понравилось?

— Еще бы, — выдохнул монах, — я бы еще попробовал.

— А если второй раз не попаду?

— Дмитрий, у тебя промахов не бывает.

— Ты хотя бы монетку подними, — напомнил Дмитрий.

Но Дмитрия уже услышали другие слуги, и скоро у них в руках была монета с простреленной серединой, и каждый из них пытался завладеть ею. В конце концов, она досталась служанке княжны, и та, схватив ее в ладошку, помчалась к хозяйке похвастаться своим сокровищем.

Марина Мнишек еще стояла возле окна с покрасневшим от волнения лицом, когда та ворвалась к ней с радостными воплями.

— Смотрите, госпожа, что мне досталось!

— И что это? — Как можно равнодушной поинтересовалась панночка, прекрасно зная, о чем пойдет речь.

— Ох, этот Дмитрий. Он кого угодно с ума сведет. Как он стреляет...

— Ты, случайно, не влюбилась?

— Нет, пани Марина. У меня жених есть, только ему с Дмитрием не сравниться.

— Ну, ну. А то я уже подумала, что у нас в поместье все на этом Дмитриии помешались, — с трудом выговорила княжна, скрывая рвущуюся наружу ревность.

— Это правда, — наивно вздохнула девушка, — да, только будущий царь Руси на кого попало, глаз не положит. Чего уж себе душу сушить понапрасну...

— Он еще не царь, — строго одернула служанку Марина, — и нечего ему раньше времени нос задирать. Его могут в любой момент самозванцем обозвать, и тогда отец задаст ему жару.

— Ой, да что вы, панночка, — служанка недоверчиво покачала головой, — да за версту видно, что Дмитрий царских кровей. Столько языков знает, и лепечет так ладно, коль, что хочет сказать. Царь он, как есть. И никто мне ничего другого не докажет.

— И все так думают, как ты? — Панночка внимательно посмотрела на княжну.

— Ничего другого я и не слышала, — пожала плечами та, — а этот Варлаам уже всем уши прожужжал про несчастную судьбу Дмитрия. Сам готов за ним в огонь и воду идти.

— Еще чуть-чуть, и у меня самой в родовом гнезде поклонников не останется, — Марина Мнишек резко отошла от окна, — значит так, я собираюсь на бал, и прошу мне приготовить золотое платье с рыжим отливом.

— Хорошо, панночка. Оно вам очень к лицу.

— Я знаю это, — с вызовом бросила княжна, адресуя его тому, кто уже, как ни в чем не бывало, слонялся по двору, и оглядывал борзых князя Мнишек. Она очень хотела, чтобы Дмитрий оставался во дворе, пока она там не покажется. — И поторопись, — добавила она служанке.

— Так рано еще, — попыталась возразить та.

— Ничего. Я в гости еще заеду к своей подруге. Ее отец обещал сопровождать нас на званый вечер.

— Сейчас все сделаю, — на этот раз охотно отозвалась служанка.

После отъезда панночки у нее будет возможность увидеться со своим любимым, да и просто хотелось немного полениться в свое удовольствие. Такие денечки девушка любила, и старалась провести их с выгодой для себя. Панночка была щедрой, и не жалела для своей служанки ни сладостей, ни одежды, и девушка лю-

била щегольнуть в каком-то красивом платье в выходные дни по двору на зависть своим ровесницам.

Скоро княжна была готова, и выглядела она просто потрясающе. Золотое платье с рыжим отливом выгодно оттеняло ее черные волосы, обрамляющее лицо цвета слоновой кости с естественным румянцем, подчеркивающим высокие скулы. Но самыми потрясающими у княжны были глаза, отражающие ее острый ум, страстность, и неординарность ее личности. Она не выглядела юной, ранимой девушкой, и этот образ, в отличие от ее ровесниц, ей был чужд. Она хорошо знала себе цену, и самое главное, чего хочет достичь. И играть роль наивной девочки, нуждающейся в опеке мужа, она не собиралась.

В спальню к дочери зашел князь Мнишек.

— Ты уже готова? — Он невольно залюбовался своей дочерью.

— Да, отец.

— Может быть, составить тебе компанию?

— Отец, ты можешь за меня не волноваться. Ты ведь не любишь шумных компаний, и я не хочу заставлять тебя скучать.

— Да, был и я молодым, и когда-то мне это все нравилось. Но, пожалуй, сегодня я отдохну.

— Вестей относительно Дмитрия нет никаких?

— Пока нет. Но я жду письма от его матери. Гонец скоро должен прибыть.

— А если он тебе врал?

— Марина, ну зачем ты так? — Князь добродушно развел руками. — Разве мы могли ошибиться? Дмитрий знатных кровей, и это видно за версту.

— Зазнаваться он стал, — в ее голосе слышалось негодование.

— Я бы не сказал, — пожал плечами князь, — ведет он себя вполне естественно.

— Даже слишком. Сегодня монаху чуть лоб не прострелил.

— Марина, ну чего ты злишься? — Во взгляде князя Мнишек мелькнуло удивление. — Резвится малый, ну и пускай себе. Ему много горя пришлось хлебнуть. Пускай хоть сейчас немного отогреется в нашей усадьбе.

— Да он уже всех девок дворовых заставил в себя влюбиться, — на щеках Марины вспыхнул румянец.

— Э, — протянул князь, — а ты, дочь моя, случайно не ревнуешь?

На этот раз на лице княжны проступили красные пятна.

— Чего это ради?! Кто он, а кто я?!

— Вот именно, Марина, — с легким нажимом произнес князь. — Дмитрий, будущий царь сия Руси, и поэтому, я тебя прошу вести себя подобающе.

— И что я должна, плясать перед ним? — Гневно спросила княжна.

— Ну, зачем же плясать? — Князь затаил глубоко в глазах лукавую усмешку. — Хотя бы не дерзи, когда встречаешь его. Ох, и гонор у тебя, — покачал головой князь Мнишек, — вся в мать пошла, — в его интонации прозвучала невольная гордость.

— Да, я его, вообще, замечать не буду, — звенящим голосом произнесла Марина, бросив взгляд в окно, перед которым, как ни в чем не бывало, разгуливал Дмитрий, не подозревая, что по его поводу в спальне панночки разыгрываются целые баталии.

— Это также перебор, — пожурил дочь князь Мнишек. — Дмитрий к тебе не равнодушен, а ты можешь остудить своим поведением его пыл. И это будет стратегически неправильно.

— Отец, ты же не собираешься отдавать меня за него замуж? — В словах княжны прозвучал протест.

— А ты хочешь одеть, на свою голову корону, дочь моя?

— Ты еще даже, отец, не доказал его происхождения. А вдруг он самый настоящий проходимец? Зачем ты так унижаешь меня?! Я даже за него слышать не хочу!

— А что-то мне говорит, что это совсем не так, — князь подошел к дочери, и взял ее за руку. — Как бы ты, мое сердечко, уже не влюбилась. И поэтому ты так и злишься. Не переживай, я тебя замуж за самозванца не отдам. Я даю тебе честное слово. А вот за царя сия Руси с большой радостью. Это достойная участь для дочери князя Мнишек. Наш род древний и знатный, и кому, если не нам, продолжать род царской династии?

В спальню кто-то сильно постучал, и от неожиданности князь Мнишек вздрогнул.

Князю доложили, что с России прибыл его гонец.

— А вот сейчас все и разъяснится, дочь моя, — князь Мнишек от напряжения слегка побледнел.

В спальню зашел молодой человек. Его верхний плащ был забрызган грязью, а лицо покрыто пылью. Он снял шляпу, поклонил-

ся князю, и порывисто провел ею по лицу, вытирая катившийся по лицу пот, отчего по нему появились неровные серые борозды. Он вытащил письмо, и протянул его князю.

У князя слегка дрожали руки, когда он его вскрывал. Это было письмо от Марии Нагой. Она полностью подтвердила слова Дмитрия, и благодарила князя Мнишек за то, что он проявил к нему благосклонность. Она во всех подробностях описала внешность сына, в том числе, и бородавки на лице, чтобы у князя, как она подчеркнула, даже не возникло сомнений в его царском происхождении. Кроме того, она просила князя Мнишек хлопотать перед польским королем дать Дмитрию войска с тем, чтобы он шел на Москву. К этому она добавила, что царем Борисом в России не довольны, и по всей державе вспыхивают бунты. Еще она просила узнать о судьбе своего брата Афанасия, и князя Мстиславского. Она не верила в то, что они могли погибнуть в огне. Ее сердце, как она описала, не переполняла горечь утраты, а значит, была надежда, что ее брат и крестный Дмитрия живы. В конце она просила передать письмо Дмитрию, которое было запечатано отдельно. И потом добавила, что ждет от князя Мнишек и от сына вестей.

Князь, прочитав до конца, задумчиво уставился перед собой.

— Ну, что там? — Нетерпеливо спросила Марина Мнишек, вытянувшись в тугую струну.

Князь очнулся от дум, и только теперь понял, что не отпустил гонца.

— Иди, отдыхай. Ты проделал славную работу.

Тот поклонился, и вышел.

— Ну, что, Марина, свою жар-птицу, ты поймала.

Марина еще больше напряглась, и ее глаза пытливо смотрели на отца.

— Мария Нагая подтвердила происхождение Дмитрия, — он протянул дочери письмо.

Та быстро пробежала его глазами.

— Значит, это правда? — Ее губы превратились в одну тонкую ленту, и она пристально смотрела перед собой.

— Да.

— И ты поедешь к королю Сигизмунду?

— Без сомнений.

— Когда?

— Завтра. Это дело нельзя откладывать в долгий ящик.

— Но сегодня король приезжает на бал в Самбор.

— Это не место для деловых переговоров, — засомневался князь Мнишек.

— А, может быть, наоборот?

Князь Мнишек задумался. А, может быть, действительно, рискнуть? Место для аудиенции они найдут. К тому же, и Дмитрий будет под боком, и он своим воспитанием и умением себя вести в знатном обществе сможет рассеять все сомнения в его происхождении.

— Ты меня уговорила, — наконец произнес он с улыбкой. — Но в таком случае, Дмитрий едет с нами.

Сердце Марины Мнишек учащенно забилося. Она бросила взволнованный взгляд на отца, который он не оставил без внимания.

— Да, дочь моя, — произнес он с расстановкой, — настал твой час. Не упусти своего шанса стать царицей.

— Теперь он будет задаваться, — с досадой произнесла княжна.

— Он будет таким, каким был, — уверенно произнес князь Мнишек, — и не умаляй его достоинств, Марина.

— Но и пресмыкаться перед ним я не собираюсь.

— А разве этого я от тебя жду? Ты должна бесповоротно покорить его сердце. И большего от тебя не требуется. С этого дня многие панночки будут сражаться за честь стать его женой. И ты не должна проиграть в этой сложной игре.

— Он сам должен решить, кто ему мил и дорог. И пускай он попробует добиться моей взаимности. А я подумаю, стоит ли он моего внимания. Престол сия Руси еще не его.

— А вот здесь мы ему поможем. И я сам пойду на Москву, чтобы очистить для своей дочери царский трон. Пора царю Борису поступиться. Не смог он достойно править империей, и русский народ недоволен своим правителем.

— Отец, мы с тобой не совершаем ошибку? — В душе княжны боролись честолюбие и страх проиграть.

— Но ведь если не рисковать, то нельзя ожидать и взлетов в своем положении, Марина. А тут игра стоит свеч.

Лицо Марины на мгновение потемнело от тяжелого предчувствия, но она его прогнала усилием воли.

Впереди был бал, где она могла танцевать вместе с Дмитрием, и ее сердце замирало от сладостного предчувствия близости

